

— Алло.

— Это я, мне нужна ваша помощь!

— Саша? — на другом конце провода выдохнули.

— Да, Александр Николаевич, — сдерживать свою растерянность и злость было чрезвычайно трудно.

— Ночь на дворе, что случилось? — Мое волнение передалось собеседнику.

— У меня украли девочек. Не поможете, я тут войну начну, до победного, — выдохнул я, решившись говорить открыто и честно. Чувствовал я себя препоганейше, поэтому не до сантиментов.

Да, вернувшись домой после всех дел в городе, я обнаружил пустую квартиру. Из соседей никто ничего не видел, как обычно, хотя разгром в квартире был, как после пожара. На зеркале в прихожей висела записка, написанная корявым почерком на листе бумаги, выдернутом из пишущей машинки.

«Что, думал о тебе забыли? Ошибся, писатель. Старик больше не поможет, если завтра к вечеру не будет денег, твоим сучкам и деду конец, а потом и тебе!»

— Саша, будь у телефона, звоню Володе. Ты в милицию ходил? — Мой собеседник был не кто иной, как сам генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза. Так уж вышло, что у нас получилось совершить небольшой переворот, а что, считаю, выбрали оптимальный вариант. На мой взгляд. Спорить тут бессмысленно, проживем — увидим.

— Их убьют, — бросил я в трубку настолько злобно, что на том конце, скорее всего, поморщились.

— Сколько у нас времени?

— До завтрашнего вечера...

— Все будет хорошо! Запомни это. Все, до связи.

Из динамика послышались короткие гудки.

Я стоял с телефонной трубкой в руках и не знал, куда бежать, что делать. В этот раз враги поступили умно, никого не оставили из тех, кто смог бы привести меня в бандитское логово. Кто же это еще такой умный нашелся, а? Вроде уж всех отправил на тот свет, так нет, год прошел, а все не угомонятся! Суки конченые. Старика, значит, больше нет? Хреново дело, вроде как прикрытие было. Так, в деревню, что ли, сгонять? У дяди Коли ружье есть, хоть что-то будет.

Уже выбегая из квартиры, вспомнил, что вообще-то попросил помощи и надо ждать звонка. В этот момент, как будто телефон только и ждал, когда я о нем вспомню, раздался звонок.

— Слушаю! — выдохнул я в трубку сиплым, каким-то чужим голосом.

— Никуда не выходи, сейчас к тебе подъедут наши ребята из местного отдела, расскажешь все как есть. Не утаивай ничего, мало ли какие детали помогут, — на проводе был Семичастный. Глава КГБ в деле, но как-то пока не радуется такая новость.

— Да где они их искать будут...

— Заткнись и слушай, — голос председателя раздраженный, рычит, но чувствуется, что очень хочет помочь. — В конторе всегда есть хоть один информатор от местной братвы, тот, кого никогда не закроют, ребята там у вас понятливые, тем более чистку прошли уверенно. Хоть злись, хоть нет, но присмотр за тобой всегда был. Жди и ничего не предпринимай, ты меня понял?

— Так точно, — почему-то сказал я.

— Третья мировая нам в Рыбинске не нужна. Сиди ровно. Время есть. Наша спецгруппа из Москвы вылетает уже через час, к утру будут в городе. Тебе их видеть не нужно, сделают все сами.

— Я хочу закончить с этим...

— Посмотрим, видно будет, ничего не обещаю на этот счет. Все, жди ребят. Завтра созвонимся в двенадцать. Запомнил?

— Да, — кивнул я, словно собеседник мог меня увидеть.

Спецгруппа КГБ из Москвы? Это чего, по моей проблеме «Альфу» подняли? Нехило. Стало как-то спокойнее даже. Черт, до деревни никак не успеваю съездить, а жаль. Ладно, буду ждать гостей. Стоп, а разве «Альфа» уже есть? Не пом-

ню точно, когда ее создали, будем надеяться, что какой-то спецназ все же есть.

— Эй, хозяин, есть кто-нибудь? — слышался голос из подъезда.

Блин, я что, и дверь входную не закрыл? Рванув в прихожую, едва успел затормозить перед двумя какими-то хмырями, правда, смутно знакомыми.

— Мы это, писатель, помочь хотели... — проговаривает один, но я, схватив его за грудки, прижал к стене, даже не обращая внимания на второго.

— Сейчас вы мне все разом поможете, твари, я вас под ноль вырежу! — я был в таком бешенстве, что кажется, уже не понимал, что делаю. Не то время выбрали, братки, чтобы ко мне подходить.

— Стой, командир, стой! — заорал второй, пытаясь отцепить меня от своего подельника, но получив в лицо рукой (я просто отмахнулся от него, как от мухи), отпрыгнул немного в сторону.

— Да не мы это, писатель! Ты не узнал, что ли? Мы от Старика! — прошипел прижатый мной к стене парень.

— Старика больше нет! — рыкнул я.

— Знаем, поэтому и не успели сюда, потому как там были. Отпусти, расскажем все!

Руки мои ослабли, я отпустил парня и сделал шаг назад. Трясло изрядно, голова начинала приходить в себя, что-то я потерялся как-то, чуть ведь не убил парня. А может, он и правда ни при чем.

— Кто их забрал?

— Это Туз с зоны весточку кинул. Люди сказали, что он там бабки задолжал кому-то серьезному, а тут ему кто-то донес о тебе, вот он и решил тряхнуть стариной. Так-то он не знал ничего, да, похоже, ты кого-то упустил в тот раз, донесли.

— Да мало ли тут в городе шелупони всякой на Беса шестерило! Конечно, кто-то остался, я ж не воевал тут с вами.

— Мы тебе не враги, писатель, Старик для нас был как отец родной, правильный он, сейчас все по беспределу идут, а Старик учил жизни, поэтому нас и мусора не брали никогда, да и нет за нами «мокрого».

— Ладно. Где эти суки спрятались?

— Точно — не знаем. Они убрали Старика, на перо поставили, суки, а потом привезли твоих, и вся кодла снялась. Они на трех старых «Волгах», вроде такси, уехали куда-то на восток. Думаем, Копаево, может, Ермаково. Дальше нам неизвестно, есть ли «хазы тихие». Старший тут, на воле, Барон. Он под Тузом ходит, сам не «законник», из борзых.

— Моих видели? — спросил я с надеждой в голосе и, кажется, полностью приходя в себя.

— Издали. Вроде все хорошо было, но жене твоей, похоже, досталось немного, на лице кровь была. Трогали их или нет, уж извини, не знаем.

— Урою тварей! — я вновь чуть не рванул из комнаты вон, когда в ней нарисовались трое новых гостей.

— Александр Андреев? — тихо, спокойным, ровным голосом спросил один из пришедших.

Парни все как на подбор, неприметные лица, худощавые, но видно, что готовы вынуть стволы и положить здесь всех в секунду. Срисовать их можно лишь по одежке, хоть цвета и разные у костюмов, да только видно все равно, что они казенные.

— Я это. Эти не при делах, — кивнул я на жуликов. Те стояли застывшими куклами, боясь вдохнуть. Наверное, сразу просекли, кто к нам пожаловал, у бандитов нюх на ментов, а тут и во все конторские.

— Мы поговорим с гражданами? Можно пройти?

— Да, конечно, проходите в комнату, только там разгром полный, — я пока не мог прийти в себя и плохо соображал. Как там у известного автора? «Мыслей полна голова, да все про загробную жизнь»?

Комитетчики прошли мимо меня, а граждане уголовнички семенили впереди них, даже не спрашивая, куда и зачем. Я влезать в беседу не стал, пусть говорят, дальше увидим, чем дело закончится.

Почти целый час из комнаты никто не выходил, а я все больше заводил себя. Было бы оружие, с ним гораздо проще, а так, на толпу, в незнакомом месте и с заложниками, это не мое, как ни крути, но я ни разу не спецназ. Одно дело осторожно, по-тихому разведать и перестрелять братков, и совсем другое — освободить заложни-

ков, тем более родных мне людей. Там по-любому у меня крышу сорвет, и наделаю ошибок, а это ни хрена не математика, не исправишь. Даже не представляю себе, что будет, если с моими девочками что-то случится, скорее всего, я головой тронусь. Просто очень люблю свою семью и такую ситуацию даже представлять больно.

— Александр? — вырвал меня из раздумий голос старшего группы комитетчиков.

— Да? — дернулся я.

— Успокойтесь, нас предупредили, что вы человек горячий, но все будет хорошо. Мы уже со звонились с нашими людьми, думаю, «москвичи» опоздают, мы сделаем все сами, — видя, что я открываю рот, продолжил чуть тверже: — Я же сказал, успокойтесь, люди работают, место уже известно. Мы воспользовались вашим телефоном, вы не против?

— Да хоть себе его заберите, только девочек спасите, — выдохнул я.

— С вами останется наш сотрудник, на всякий случай, этих граждан мы пока заберем с собой.

— Они вроде не при делах?

— Мы и не собираемся их задерживать, они нам помогут немного.

— Как скажете.

— Находитесь, пожалуйста, дома, никуда выходить не нужно, это понятно?

— Так точно, — почему-то машинально ответил я.

— Вот и хорошо. Будем держать вас в курсе, еще раз прошу, не переживайте, все будет хорошо.

И ведь убедил, черт речистый, даже как-то спокойнее стало на душе. Оставшийся сотрудник КГБ, молодой парень лет двадцати пяти, с тонкими чертами лица и узкими, но не раскосыми глазами. Светлые волосы, довольно длинные для уставной стрижки, красиво вились, парень наверняка нравится девушкам, Аллен Делон этакий. Кагэбэшник оказался молчаливым, как и большинство представителей этой конторы, да и мне говорить как-то не хотелось. Занялся приборкой квартиры, чтобы отвлечься, а то в голове такая каша, что придумать что-то дельное я не смогу. Интересно, конечно, как смогли найти укрытие бандитов? Понятно, что в конторе работают спецы, да и осведомителей никто не исключал, но все же быстро как-то. Семичастный что-то говорил о надзоре за мной, может, кто-то выследил?

Прошло часа четыре, звонков по телефону не было, никто не приходил. Уборку уже закончил, даже сходил и мусор выкинул, заняться было нечем.

— Есть будете, товарищ...

— Александр.

— О, тетка, значит, перекусить не хотите?

— Если можно, то да, с утра ничего не ел.

— А чего молчите? Слушайте, может, на ты?

— Да пожалуйста.

— Сань, особо ничего предложить не могу, есть рыба копченая, жареная, немного макарон отварных, будешь?

— Да, конечно, рыба — это очень хорошо, — глаза у оперативника засветились, — ну кто не любит жареную или копченую рыбу?

— Еще бы, да еще когда сам выловишь!

— Вы... Ты сам ловишь?

— Конечно, живем-то на воде. Смотри, есть жареный судак, — я открыл холодильник, — и копченый лещ.

— Можно мне леща, сто лет не ел!

— Не вопрос, сейчас разогрею, — понемногу я отходил, надежда была все же, так что горевать без причины не хотелось. Надо было сразу разговорить кагэбэшника, может, давно бы отпустило.

Разогрел на сковороде макароны с рыбой, нарезал хлеба, сам люблю холодного судака есть, поэтому его и не грел. Парень комитетчик уплетал за обе щеки, сначала пытался нахваливать, но я прервал его возгласы.

— Не болтай, там костей много, внимательнее. — Да, леща есть уметь надо. Многие от него отказываются только из-за костей, лень есть осторожно, а копченый лещ — это деликатес. У нас, по крайней мере. Мало кто с ним в копченом виде поспорить сможет.

Доесть нам не дали, раздался звонок, схватив трубку, прокричал в нее:

— Алло!

— Передайте трубку нашему сотруднику, пожалуйста! — попросили у меня ровным голосом.

— Сань, тебя, — я отдал трубку комитетчику, а сам встал рядом.

Видимо, парню что-то сказали такое, специфическое, потому как он попросил меня отойти. Вновь начиная злиться, я вышел из комнаты. Хлебнул воды на кухне и приготовился «допрашивать» кагэбэшника. Но тот рассказал все сам.

— Банду взяли, ваши — освобождены.

— А чего секретничать тогда?

— Ваша жена...

— Что с Катей? — я аж подпрыгнул. В голове как будто граната разорвалась. Перед глазами все поплыло, в ушах зашумело.

— Она в больнице. Как мне объяснили, ей нанесли побои, но угрозы жизни нет. Плохая новость в том, что она потеряла ребенка...

— Суки-и-и... — я схватил со стола нож, которым резал хлеб, и швырнул его в дверной косяк с такой силой, что этот, не самый подходящий для таких занятий нож вошел в косяк до половины. Александр даже дернулся, ибо стоял рядом с дверным проемом. — Всех уничтожу, твари!

— Саша, успокойся, тебе не надо этого делать, — кагэбэшник, казалось, ничуть не удивился моей реакции, даже в лице не изменился. — Преступники задержаны, их посадят надолго...

— Нет, Сань, ты не понимаешь. Дело не в том, что их накажут, а в том, что эти суки будут сидеть, то есть жить, а ребенок — нет! А за Катю я вообще удавлю любого. Они и с зоны умудряются тут беспредел устраивать, а ты говоришь — посадят...

— В любом случае они уже в камерах, так что перестань свирепствовать, и поехали к нам

в управление. Дочку заберешь, потом в больницу съездишь, может, пустят.

— Пусть попробуют не пустить.

— Саш, не нужно уподобляться бандитам. Ты писатель, а не рецидивист, делай свое дело, а мы будем делать свое.

— Ладно, поехали. Тебе рыбы завернуть? У меня есть пара хвостов, пивка с друзьями попьешь, — видел я, как он на рыбу смотрел.

— Если не жалко...

— Было бы чего жалеть, — ответил я.

Собрались быстро, брать с собой ничего не стал, закрыл двери, и мы спустились на улицу. Машина у меня стоит рядом, за углом, к подъезду никогда не ставлю, шли до нее буквально минутой. Когда я уже держался за ручку двери, услышал шум мотора. Светло-зеленая двадцать первая «Волга» выехала из-за соседнего дома и резко ускорила. Саша-комитетчик полуобернулся, отследив мой взгляд, и полез под пиджак правой рукой. Я смотрел на это, как в кино, не в силах даже двинуться. В тридцати метрах от нас «Волга» накренилась вперед от резкого торможения. Сидевшие в ней два человека, мужчины средних лет, открыли двери, водительскую и заднюю левую. Два направленных на нас ствола я разглядел только тогда, когда из них начали вырывать языки пламени. Ударившие в мою машину и асфальт на дороге пули высекали искры, а я все смотрел... Никогда бы не подумал, что у нас такое возможно, да в эти годы.... Наконец, придя